

Научная статья / Research article
УДК/UDC 793.2
DOI: 10.28995/2227-6165-2025-2-76-83

Елена Альбертовна Каминская
Elena Albertovna Kaminskaya
доктор культурологии, профессор,
Doctor of Cultural Studies, Professor,
Институт современного искусства (Москва, Россия)
Institute of Modern Art (Moscow, Russia)
kaminskayae@mail.ru

ПРИНЦИП КАРНАВАЛИЗАЦИИ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ НОВОЙ ОБЯДОВОСТИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРАЗДНИКА МАСЛЕНИЦЫ) THE PRINCIPLE OF CARNIVALIZATION IN CONSTRUCTING A NEW RITUALITY OF FESTIVE CULTURE (USING THE MASLENITSA HOLIDAY (PANCAKE DAYS) AS AN EXAMPLE)

Праздничная культура с течением времени изменяется под воздействием различных объективных и субъективных обстоятельств. Обряды, сопровождающие праздничные действия, также подвергаются трансформации, которая обусловлена не только логикой развития культуры, но и, среди прочего, отсутствием образца первоначального действия. Это позволяет многовариантно выстраивать празднично-обрядовое действие. В современности правильнее говорить о конструировании новой обрядовости в рамках праздничной культуры. Эта новая обрядовость органичным образом включает элементы современной культуры, закрепляющиеся в сознании людей как традиционные, но, по своей сути, такими не являющиеся. В статье рассматривается вопрос о применении карнавализации как принципе такого конструирования, имеющей двойственный характер. На примере Масленицы показана трансформация празднично-обрядового действия и варианты ее современного воплощения.

Ключевые слова: праздничная культура, обрядовая культура, празднично-обрядовое действие, народная культура, народная традиция, карнавализация

Для цитирования: Каминская Е.А. Принцип карнавализации при конструировании новой обрядовости праздничной культуры (на примере праздника Масленицы) // Артикульт. 2025. №2(58). С. 76-83. DOI: 10.28995/2227-6165-2025-2-76-83

Festive culture changes over time under the influence of various objective and subjective circumstances. The rituals accompanying festive events also undergo transformation, which is conditioned not only by the logic of cultural development, but also, among other things, by the absence of a model of the original action. This allows for a multi-variant construction of a festive and ritual action. In modern times, it is more correct to speak of constructing a new rituality within the framework of festive culture. This new rituality organically includes elements of modern culture that are fixed in people's minds as traditional, but, in essence, are not. The article examines the issue of using carnivalization as a principle of such construction, which has a dual character. The example of Maslenitsa shows the transformation of the festive ritual action and the variants of its modern embodiment.

Keywords: festive culture, ritual culture, holiday ritual action, folk culture, folk tradition, carnivalization

For citation: Kaminskaya E.A. "The principle of carnivalization in constructing a new rituality of festive culture (using the Maslenitsa holiday (Pancake days) as an example)." *Articult.* 2025, no. 2(58), pp. 76-83. (in Russian) DOI: 10.28995/2227-6165-2025-2-76-83

В настоящее время сфера праздничной культуры подвергается тем же трансформациям, что и культура в целом: это и огромное влияние цифровизации, и, как следствие, обилие разной по содержанию информации и расширение границ сопричастности в онлайн-пространстве, и возрастание роли визуализации (так называемый визуальный поворот) в представлении и восприятии этой информации, и калейдоскопичность и мозаичность актуальных культурных практик, и появление новых социокультурных ситуаций и событий, и процессы взаимовлияния и взаимообогащения различных культур, и мн. др. Одновременно с этим развитие праздничной культуры обусловлено рядом специфических факторов, к которым относятся отмирание или снижение значимости отдельных праздничных событий, форм и традиций и, наоборот, их появление под влиянием идеологических и политических условий, изменение социальных заказов и их большая коммерциализация, трансформация общественного восприятия, предпочтений и потребностей в праздниках со стороны населения, личностные установки. Сам праздник «утратил свое смысловое наполнение, сохранив лишь внешнюю

© Каминская Е.А., 2025

Дата поступления: 16.08.2024. Дата одобрения после рецензирования: 26.01.2025. Дата публикации: 30.06.2025.

Е.А. Каминская *Принцип карнавализации при конструировании новой обрядовости праздничной культуры (на примере праздника Масленицы)*

оболочку, видоизменяющуюся в соответствии с потребностями массовой культуры» [Попова, 2017, с. 26], при этом сохранив свою развлекательную функцию. Всё это, по верному замечанию С. С. Соко- виков, «стимулирует процессы праздничного культуротворчества, <...> требует применения прие- мов социокультурного конструирования, которые, на наш взгляд, пока не обрели технологически завершенного состояния» [Сокоиков, 2022, с. 290]. Среди таких технологий стоит выделить созда- ние «новых» праздников, выполняющих функции предыдущих, реконструкцию утерянных или забы- тых праздников, трансформацию существующих праздников. Одновременно с этим стоит отметить, что вторая половина XX – начало XXI вв. демонстрируют устойчивый интерес к формам праздни- чной культуры, обращенным к народной традиции как части отечественной культуры. Это вполне соот- ветствует охранительной функции праздничной культуры как транслятора культурно-исторической памяти, одним из элементов которой, несомненно, является народная обрядовая культура. И празд- ничная, и народная обрядовая культуры имеют ряд тождественных характеристик, среди которых стоит обозначить акцентирование внимания на определенном значимом событии, массовость уча- стия, регламентированность действия, наличие игровых элементов. Таким образом, народная обрядо- вая культура органично встраивается в праздничную культуру на основе функциональной общности и близости имманентных свойств. При этом обе обозначенные культуры трансформируются, «под влия- нием новых кодов, <...>, отложившихся в памяти культуры в давно прошедшие времена, происходит смещение значимых и незначимых элементов» [Лотман, 1992, с. 201-202], снижаются их смысловые нагрузки, доминируют декоративные, развлекательные формы [Попова, 2017, с. 17]. Поскольку мы ведем речь о конструировании новой обрядовости праздничной культуры, то этим новым объектом выступает празднично-обрядовое действие.

Среди народных празднично-обрядовых действий наибольший размах приобретают дни масле- ничных гуляний, достаточно часто ассоциирующиеся с проводами зимы. Пожалуй, сложно наверняка выяснить, когда в сознании населения укоренилось данное значение праздника. Было ли оно заложено изначально? Ввиду отсутствия письменной фиксации обрядов и фольклорного материала это может быть лишь одной из версий. Подчеркнем, что уже в 1900 г. отмечалось, что «Исторический смысл этого праздника, конечно, утратился» [Масленица, 1900, с. 490]. И в XXI в., несмотря на множество публи- каций по данной тематике, сбор материалов в этнографических (фольклорных) экспедициях, «многие вопросы, касающиеся происхождения, значения ... нельзя рассматривать, как решенные» [Алпатова, 2002, с. 4]. Для понимания сущности и функций современного масленичного гуляния считаем важным обратиться к источникам, раскрывающим происхождение и бытование данного праздничного обрядо- вого действия. Приверженцами западноевропейского влияния на отечественную культуру утверждается, что масленица – заимствованный праздник, конструировавшийся как подобие карнавалному дей- ству. «Всякому вѣдь извѣстно, что нашъ мясопустъ совершенно соотвѣтствуетъ западному карнавалу, название котораго составилось изъ двухъ латинскихъ словъ: *carnis-vale* т. е. говядина прощай: впрочемъ, другіе производятъ его отъ словъ: *carnis-aval*, т. е. говядину поѣдай» [Божеянов, 1895, с. 68]. Пожалуй, это одна из первых публикаций, в которых подчеркивается карнавальность Масленицы. На основа- нии исследований XIX–XX вв., материалов фольклорных (фольклорно-этнографических) экспедиций можно сделать вывод, что главный лейтмотив прощания, ярко прослеживавшийся и в масленичной обрядовости, и в празднике проводов зимы, сыграл существенную роль в наложении этих действий и восприятии их как тождественных. Уже в конце XIX века в публикациях этнологов, этнографов, фоль- клористов фиксировалось, что именно масленицей завершался зимний период народного календаря и/ или начало весны, об этом же свидетельствуют и исследования XX века (см., например: [Нива, 2012– 2013 (1875), с. 122; Масленица, 1900, с. 489-492; Коринфскій, 1901, с. 157; Копаневичъ, 1903; Соколова, 1978; Черных, 2008, с. 159]). Можно утверждать, что немаловажную роль в функциональном объедине- нии этих действий сыграли публикации XX века, особенно его второй половины, о масленичных гуляниях как проводах зимы, которые были подхвачены акторами праздничной культуры и активно использова- лись при конструировании тех или иных праздничных действий. На наш взгляд, дальнейшее закрепление в сознании людей Масленицы как Зимы, а масленичной недели как ее проводов, связано с советской

E.A. Kaminskaya *The principle of carnivalization in constructing a new rituality of festive culture (using the Maslenitsa holiday (Pancake days) as an example)*

традицией повсеместного празднования проводов зимы со сжиганием ее чучела, заимствованным из народных обрядов. Такое отождествление и постепенная замена одного праздника на другой вполне соответствовало идеологическим установкам советского времени, конструировавшим новую обрядовость на основе традиционных форм отечественной культуры [Антирелигиозник]. Конечно же, и служители православной церкви оказали влияние на трансформацию мышления населения, когда стали менее жестко относиться к проведению праздников, связанных с проводами зимы в период масленичной недели, на прихрамовой территории [Поговорим о масленице, 2011]. Но какие бы предпосылки не лежали в основе данного явления, важно обозначить, что в настоящее время праздник проводов зимы и прощание с масленицей закрепились в обыденном сознании как единый празднично-обрядовый комплекс, имеющий отсылки к народной традиции. Еще раз подчеркнем, что отсутствие письменной фиксации обрядов и фольклорных текстов, их сопровождающих, позволяет лишь выдвигать гипотезы о происхождении и бытовании обряда Масленицы; письменные источники, исследования, данные фольклорных (фольклорно-этнографических) экспедиций предоставляют материалы, соответствующие времени их записи и написания, то есть фиксирующие и анализирующие актуальный тому или иному времени вариант традиции. По сути, мы имеем дело не только и не столько с народной традицией и народными обрядами, даже если это позиционируется как аутентичное действо, сколько с конструированием новой обрядовости, наделенной актуальными смыслами, ценностями и значениями, специфически реинтерпретирующей элементы традиционной культуры, адаптирующей их под условия современной жизни.

Почему речь идет именно о конструировании, а не о реконструкции или воссоздании? Ответ на этот вопрос обусловлен историей развития отечественной народной обрядовой культуры. И тот, и другой процесс связан с наличием некоего образца, на основании которого возможно воссоздание или реконструкция его элементов. Именно такого образца в народной обрядовой культуре нет. Письменные источники, которые донесли до современности описание обрядов, носят весьма противоречивый характер. Часть этих источников подвергается критике как недостоверные, другие – как весьма произвольно трактующие те или иные явления на основании сопоставления с обрядами других народов, досочинением (подробнее см., например: [Баркова, 2022; Мифы о русской мифологии (лекция)]). Устные источники, одним из которых выступают фольклорные тексты, сохранившиеся как в записях ученых, так и в памяти народа, являются достаточно специфическим носителем культурно-исторической памяти, на основании которого невозможно полностью воссоздать обрядовое действо. В фольклоре нет установки на точное воспроизведение бытового уклада, этических и эстетических взглядов. В нем всё же преобладает художественно-образное содержание, направленное на передачу психологических установок, эмоционального состояния и отношения к происходящим событиям. Реконструкция на основании фольклора и других источников, функционирующих преимущественно в устной форме, вряд ли возможна. Поэтому наиболее точно, на наш взгляд, говорить именно о конструировании в праздничной культуре отдельных элементов обряда на основании анализа различных источников. Эти элементы складываются в определенную схему, образуют специфическую систему, которая многократно воспроизводится и тем самым закрепляется в сознании как обряд. В связи с этим становится важным обратиться к технологиям и принципам конструирования этой новой обрядовости в рамках праздничной культуры.

Технологии конструирования представляют собой ряд целенаправленных, системных, алгоритмических действий, направленных на создание нового объекта и опирающихся на определенные принципы. В таких технологиях применяются различные принципы, механизмы, способы и формы – воссоздание, стилизация, интерпретация и реинтерпретация, карнавализация, бриколаж, пастиш и мн. др. Каждый из них заслуживает отдельного внимания. В рамках данной статьи мы будем рассматривать только карнавализацию как принцип конструирования, поскольку, на наш взгляд, именно он наиболее точно характеризует современные процессы в праздничной культуре, подчиняясь, а иногда и обуславливая игровую основу праздника.

Под карнавализацией как принципе конструирования мы будем понимать, опираясь на мнение М. Бахтина, установку на использование сущностных признаков карнавала в современной культуре.

Е.А. Каминская *Принцип карнавализации при конструировании новой обрядовости праздничной культуры (на примере праздника Масленицы)*

Кратко напомним об этих сущностных признаках: это отсутствие «разделения на исполнителей и зрителей» [Бахтин, 1990, с. 12], диалектическое единство старого и нового (рождения и смерти), верха и низа, возможность менять их местами (антитеза обыденному), амбивалентность [Бахтин, 1990, с. 31], гротескный модус изображения (гротескный стиль, гротескный реализм) [Бахтин, 1990, с. 337, 349], изменение форм этикета, наличие специфических форм речи, жеста, пластики [Бахтин, 1990, с. 16], изобилие, веселье [Смирницкая, 2009, с. 186], подчеркнуто игровой характер действия и т. п. Все это присуще и традиционному обрядовому празднику. В то же время при конструировании новой обрядовости такие свойства специфически проявляются в праздничной культуре. Так, единение исполнитель–зритель специально задается режиссёром в рамках праздничного действия за счет диалогов со зрителем или иных взаимодействий: игр, викторин, мастер-классов, совместного исполнения стихов и/или песен и т.д. Если в традиционной обрядовости игры во время праздничного действия носили ритуально-магический характер, где каждый точно осознавал обязательность действий, свою роль, функцию, модель речевого и ритуального поведения, то в современной праздничной культуре они носят развлекательный характер, служат способом привлечения к тому или иному действию, вовлекают людей в него. При этом такие интерактивные элементы могут быть содержательно связаны с конкретным празднично-обрядовым действием (например, викторины о названиях и функциях дней масленицы, тексты о масленице и т.п.), а могут носить просветительскую, образовательную или сугубо развлекательную функцию (например, практически-образовательные мастер-классы по изготовлению кукол из лыка, тряпичных кукол, традиционной росписи, которые почти повсеместно используются на празднично-обрядовых мероприятиях, связанных с народной культурой; аквагрим для детей, носящий эстетическо-увеселительный характер; аппликации, рисунки, эстампы, поделки на произвольную тематику, не всегда соотносящуюся с тематикой празднично-обрядового действия, которые можно изготовить непосредственно во время мероприятия). Соответственно, не происходит полного погружения в празднично-обрядовое действие, зрители могут стать исполнителями по собственному желанию (исчезает обязательность) и лишь на какой-то момент (уходит постоянство этого единства), включиться в действие на какое-то время и выйти из него по собственному желанию, что было недопустимо в традиционной обрядовости. Это естественным способом трансформирует празднично-обрядовую традицию. При этом, как показывает практика, при формировании сценариев празднично-обрядового действия достаточно явно формируется установка на активное соучастие зрителей и исполнителей, то есть в определенной мере реализуется принцип карнавализации.

Как правило, редко целенаправленно конструируется в празднично-обрядовых действиях смысловое диалектическое единство жизни и смерти, верха и низа, сакрального и профанного, свойственное карнавалу. При интерпретации традиционных обрядовых элементов акцент смещается на их функционирование в эстетически-развлекательно-игровом поле праздника. Так, еда воспринимается как эстетически-развлекательно-игровой элемент обряда (например, рисунки на блинах вареньем, стуженным молоком, пищевыми красителями), сжигание чучела – красочный завершающий элемент мероприятия, не осознающийся как умирание/уход и одновременное рождение/появление сакрального и профанного, старого и нового, зимы и весны и т. п. Одновременно с этим возникают ситуации целенаправленного акцентирования внимания на сакральных функциях празднично-обрядового действия, его магических элементах, которое нередко приводит к деформации традиционных символов. Так, в последнее время все чаще можно увидеть на масленице безликие чучела (то есть без нарисованного лица), что противоречит фольклорным источникам, в которых существуют описания «внешности» масленицы, например:

Дорогая наша гостья, Масленица, Авдотья Ивановна!

Дуня белая, Дуня румяная, ... Брови черные, наведенные... [Тексты масленичных песен].

Или: «масляница...явилась съ жирными, румяными щеками, съ коварным глазомъ, ...не съ улыбкой на устахъ, но съ хохотомъ» [Божеянов, 1895, с. 69].

Помимо этого существуют свидетельства, что Масленицу достаточно часто изображали живые персонажи: это могли быть женщины с подчеркнуто искаженной внешностью (с измазанными сажей

E.A. Kaminskaya *The principle of carnivalization in constructing a new rituality of festive culture (using the Maslenitsa holiday (Pancake days) as an example)*

лицами, утрированно накрашенные и т.д.), женщины, переодетые в мужчин, и даже мужчины в специальных нарядах (см., например [Терещенко, 1848, с. 331]: «Въ послѣдній день масляницы, именно въ воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мужчинъ, съ соломенными на головѣ колпаками верховая поѣздка, называемая обозъ. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются, – это значитъ сжигать масляницу, <...> вечеромъ мужчины и женщины, взявъ съ своего двора по пуку соломы, складываютъ ее вмѣстѣ и зажигаютъ, что называется *сожечь соломеннаго мужика*»), что подчеркивает антропоморфный характер символа. Как отмечает П. Алпатова, «чучело Масленицы трактуется то как символ зимы, то как символ лета, <...> можно по-новому трактовать масленичное чучело и видеть в нем не только и не столько символ зимы или весны, сколько изображение-символ не вышедших замуж девиц» [Алпатова, 2002, с. 17]. При таких трактовках чучела даже не может идти речь о его безликости. При этом, к сожалению, и руководителями этнографических коллективов, и режиссерами подчеркивается, что в традиции чучела были безликие, так как это защищает людей от нечистой силы (достаточно почитать современные публикации про масленичное чучело, чтобы в этом убедиться). Происходит отождествление безликой куклы, находящейся в доме, часто выполняющей обережные функции, и антропоморфного чучела, имевшего лицо, которое в дом не заносилось и имело совсем иное значение. Это трансформирует саму обрядовую традицию, но вписывается в сущностные характеристики карнавализации, с ее «перевернутым» восприятием пространства, времени, персонажей. Стоит уточнить, что в этом случае такое изменение символа носит либо спорадический характер, либо намеренно представляет «сконструированную традицию» без отсылки к карнавализации, то есть не носит игровой характер. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, подчеркивается серьезность намерений акторов празднично-обрядового действия реконструировать его аутентичные элементы, с другой – это становится одним из элементов игры, органично включаясь в систему карнавального, подчеркнуто искаженного восприятия действительности. И то, и другое вписывается в современные методы конструирования новой обрядовости, которая будет с течением времени закреплена в традиции. Какая же форма чучела будет одобрена коллективной цензурой и войдет в корпус фольклорной культуры – покажет время. Возможно, закрепятся оба варианта как традиционные, но имеющие региональные особенности функционирования и воплощения элементов обрядовости в рамках праздничной культуры.

В современных празднично-обрядовых действиях можно увидеть отдельные аспекты изменения этикета, наличия специфических форм речи, жеста, пластики, проявляющихся в сценарном ходе и текстах главных персонажей предлагаемых сценариев. Эти специфические формы речи чаще всего опираются на архаизмы и историзмы, применение диалектных слов, говоров, устоявшиеся фольклорные и квази-фольклорные речевые обороты и формулы, призванные подчеркнуть аутентичность и традиционность празднично-обрядового действия («в сей час» вместо «в этот час»; «честной народ», «Масленица – обмануха», «житьё – бытьё» и пр.). Здесь, так же как и в традиционной культуре, могут присутствовать гротескные (оптимистически-возрождающие, основанные на комизме, преувеличении вплоть до абсурда, сочетании фантастического и реального) фабулы сюжета и персонажи, юмористические диалоги, иногда с актуальными подтекстами, включение различных по стилистике и жанрам литературных и музыкальных текстов, хореографических и пластических номеров и т.п. При этом гротеск как черта карнавализации может рассматриваться и как художественное средство для выражения хаоса и его адаптации к языку существующей культуры [Юрков, 1997]. Гротескные образы в празднично-обрядовых действиях возникают на границах различных миров или культур (например, парень-«несмеян» из современности, не интересующийся реальной жизнью, признающий только интеллектуальную виртуальную реальность, и девушка-«веселуха» из прошлого, знакомящая его с традициями, организуя «путешествие» в «свое» время, – сочетание фантастики и реальности, гиперболизация отдельных черт характера, нарушение культурных норм, маргинальность положения героев).

Особую популярность среди персонажей, ассоциирующихся с народными традициями, занимают скоморохи и, в меньшей степени, ряженые. Скоморохи, являясь пограничными персонажами между собственно народными и светскими традициями, народной и профессиональной культурой, стали одним из существенных элементов русской праздничной сферы. Скоморохи «явились на Руси

Е.А. Каминская *Принцип карнавализации при конструировании новой обрядовости праздничной культуры (на примере праздника Масленицы)*

как продукт влияния на нее чуждой цивилизации и первоначально цивилизации византийской, причем немедленно слились с элементом народного обычая» [Кирпичников, 1891, с. 3] и «стали фактом жизни народа русского» [Кирпичников, 1891, с. 11]. Они занимали существенное место в истории отечественной культуры XI–XVII вв., затем, почти через триста лет, снова стали важными персонажами праздничной культуры XX–XXI столетий. Именно во второй половине XX в. скоморохи стали практически постоянными участниками празднично-обрядовых зрелищ, отождествляясь именно с традиционной народной культурой. Таким образом, снова можно констатировать факт трансформации обрядовой сферы, для которой скоморохи ранее были внешним элементом, так как их функционал – развлечение и увеселение – мог быть лишь дополнением к основным обрядовым действиям, носившим ритуально-магический характер. Однако именно эта функция скоморохов становится основой для их включения в современные празднично-обрядовые действия с их установкой на увлекательное заполнение досуга людей, что является одним из аспектов конструирования новой обрядовости.

Иное дело – ряженые. Традиции ряжения были известны во времена дохристианской Руси, где имели точный отсыл к мифологическим представлениям и ритуально-магическим элементам обряда. С течением времени ряжение образно обогащалось под влиянием культурного развития трансформаций, чаще теряя сакральное значение в пользу профанных развлекательно-увеселительных функций обряда. При этом не во всех обрядах ряжение было обязательным элементом. Так, в отношении масленицы элементы ряжения фиксировались как региональные традиции переодевания в масленицу или надевания специальных «костюмов» участниками действия.

Таким образом, мы видим, что сама празднично-обрядовая традиция подверглась существенным изменениям в современной культуре. В то же время эти изменения вполне соответствуют карнавализации как принципу конструирования обрядового действия и, по сути, формируют и закрепляют в традиции новую обрядовость. «...наступает действие карнавального парадокса: новое содержание гротескным преувеличением буквально “выворачивает наизнанку” старое, но не в качестве формы-носителя своего содержания, а в акте возвращения к энергийным первоисточкам формопорождения» [Крючкова, Титов, 2022]. В то же время хочется подчеркнуть, что карнавализация как принцип конструирования новой обрядовости праздничной культуры должна использоваться осознанно и целенаправленно, а не спорадически возникать как результат недостаточно корректного преломления традиций в современности. Следует обратить внимание на специфичную двойственность карнавализации как творческой технологии создания празднично-обрядового действия в современных условиях. Присущее некоторым «социокультурным технологам» понимание карнавализации в этом контексте как возможность произвольной игры с элементами традиционного праздничного пространства способно породить яркие гротескные формы, внешне схожие с карнавальностью в ее бахтинском смысле. Однако при этом нарушается сущностная природа карнавала как воспроизведения реальности в причудливых образах, сохраняющих тем не менее семантические и семиотические связи с прототипами. В этом смысле карнавализованное конструирование праздничного действия «по мотивам» традиционной культуры предполагает насколько возможно больший учет первичных значений заимствованных элементов. Это не противоречит объективно неизбежной их трансформации, порождаемой и актуальными социокультурными контекстами, и креативными решениями современных «конструкторов» праздничной культуры. В этом случае новативность конструирования будет органично сочетаться с обережением ментально ценных артефактов исторического прошлого. Уже на первом этапе создания праздничного действия – разработке его концепции – следует отдавать отчет о том, какие элементы традиции будут трансформированы, насколько органично это будет происходить. Следовательно, конструирование новой обрядовости выступает, одновременно, в трех ипостасях: и как акт сохранения, и как акт реконструкции, и как акт изменения традиции, подчинения законам современной культуры. Корректное понимание сущности «технологии» карнавализации и ее адекватное применение способно, на наш взгляд, дать в таком направлении ощутимый положительный эффект.

Практические рекомендации. Режиссёру, ставящему праздничное действие на основе традиционных обрядов, важно знать закономерности современной праздничной культуры, традиционной

E.A. Kaminskaya *The principle of carnivalization in constructing a new ritual of festive culture (using the Maslenitsa holiday (Pancake days) as an example)*

культуры, обрядовой культуры и умело находить точки их пересечения. В традиции следует обращать внимание и выбирать действенно-динамичные, зрелищные, эмоционально-образные элементы, понятные современному человеку. Эти элементы необходимо «влести» в единое праздничное пространство, руководствуясь принципами карнавализации, коллажа, имитации и пр. При выборе карнавализации как основного принципа построения действия важно выделить те характерные черты, которые наиболее органичны для конкретного праздника, их роль и место, способы воплощения. Так, отсутствие разделения на исполнителей и зрителей может обусловить отсутствие сцены как таковой или выход артистов со сцены к зрителям для проведения интерактивных мероприятий. Гротескность вправе находить воплощение в образах персонажей и/или их речевых портретах. При этом стоит помнить, что выбор элементов традиции, их встраивание в структуру праздничного действия не должны искажать реальность, представленную пусть и в непривычных формах. Только так будет выстраиваться новая обрядовость, которая позволит актуализировать традицию, не разрушая ее.

ИСТОЧНИКИ

1. Антирелигиозник: научно-методический журнал Орган Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. – Москва: ГАИЗ, 1926-1941.
2. *Божеянов И.Н.* Как праздновал и празднует народ русский рождество Христово, Новый год, Крещение и Масляницу: исторический очерк. – Санкт-Петербург, 1895.
3. *Копаневич И.К.* Как проводится масленица в Псковской губернии. – Псков: тип. Губ. правл., ценз. 1903.
4. *Коринфский А.А.* Честная госпожа Масляница. – Москва: издательство М. В. Клюкин, 1901.
5. Масленица и несоответствие празднования ее с духом христианства и учением св. церкви Христовой // Праздничный отряд христианина: Собрание общедоступных духовно-назидательных рассказов и размышлений, расположенных примѣнительно къ евангельскимъ воскреснымъ и праздничнымъ чтениямъ цѣлаго года : В 2 ч. / Сост. свящ., магистр богословия *Григорий Дьяченко*. – Москва: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1900. – С. 489-492.
6. Масляница / составилъ *Н. Дубровский*; материалы Снегирѣвъ, Забѣлинъ, Вельманъ, Шепингъ, Терещенко [и др]. – Москва: Тип. С. Селивановского, 1870.
7. Мифы о русской мифологии. Лекция *А.Л. Барковой*. Режим доступа: <https://smotrim.ru/video/163426> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Г 1–49: в 100 т.: репринтное издание 1870–1918 гг. – Санкт-Петербург: Альфарет, 2012-2013. – Т. 11: 1875. – № 1-26.
9. Поговорим о масленице // Православие.ру: интернет-журнал, 2011. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/44978.html> (дата обращения: 10.06.2025).
10. Тексты масленичных песен. Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/work/3382596/> (дата обращения: 10.06.2025).
11. *Терещенко А.В.* Быть русскаго народа. Часть VII. Святки. Масляница. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутреннихъ дель, 1848.
12. *Черных А.В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в В 2 ч. Ч. II. Зима. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2008.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтамова П.Н.* Тамбовская масленица как текст: семантика, символика и терминология обрядов (на общерусском фоне): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. Спец. 10.02.01. – Тамбов, 2002.
2. *Баркова А.* Славянские мифы от Велеса и Мокоши до Птицы Сирин и Ивана Купалы. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022.
3. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – Москва: Художественная литература, 1990.
4. *Кирпичников А.И.* Къ вопросу о древнерусскихъ скоморохахъ. – Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наукъ, 1891.
5. *Крючкова Н.Ю., Титов А.Ю.* Динамическая структура карнавальнoй телесности: антропологический опыт театральнoй герменевтики // Вестник МГУКИ. 2022. №3 (107). С. 16-29. DOI:10.24412/1997-0803-2022-3107-16-29
6. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. – Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. С. 200-202.
7. *Попова В.Н.* Праздник как социокультурный феномен : учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017.
8. *Смирницкая Е.В.* Карнавал // Большая российская энциклопедия. Том 13. Москва, 2009. – С. 186.
9. *Соковикова С.С.* Социокультурные алгоритмы формирования праздничного действия // Россия – Узбекистан – Таджикистан. Формирование инновационности проектирования социально-культурных процессов: от идеи до реализации: сб. материалов междунар. науч. конф. / сост. *Б.С. Сафаралиев, Б.Б. Мамуров, М.Б. Юлдашева, Н.З. Насруллаева, О.Г. Усанова, М.Р. Холов, Г.Р.Акрамова*. – Челябинск; Бухара, 2022.
10. *Соколова В.К.* Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор: генезис, архаика, традиции. – Москва: Наука, 1978. – С. 48-70.
11. *Толишин А. В.* Значения и свойства маски в карнавале и маскарade // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №41. С. 62-69.
12. *Фаминцын А.С.* Скоморохи на Руси / исследование Ал. С. Фаминцына. – Санкт-Петербург, 1889.
13. *Юрков С.Е.* Гротеск в культуре русского Средневековья : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.04. – Санкт-Петербург, 1997.

SOURCES

1. *Antireligioznik* [Antireligionist]: nauchno-metodicheskiy zhurnal Organa Tsentral'nogo soveta Soyuza voinstvuyushchikh bezbozhnikov SSSR. Moscow, GAIZ, 1926-1941. (in Russian)

Е.А. Каминская *Принцип карнавализации при конструировании новой обрядовости
праздничной культуры (на примере праздника Масленицы)*

2. Bozheryanov I. *Kak prazdnoval i prazduet narod russkij rozhdestvo Hristovo, novyy god, kreshchenie i Maslenicu* [How the Russian people celebrated and celebrate Christmas, New Year, Epiphany and Maslenitsa], istoricheskij ocherk. Saint-Petersburg, 1895. (in Russian)
3. Chernyh A. *Russkij narodnyj kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady konca XIX – serediny XX v V 2 ch. Ch. II. Zima* [Russian folk calendar in the Kama region. Holidays and rituals of the late 19th – mid-20th century B 2 parts. Part II. Winter]. Perm', Izd-vo "Pushka", 2008. (in Russian)
4. Kopanevich I. *Kak provoditsya maslenica v Pskovskoj gubernii* [How Maslenitsa is celebrated in the Pskov province]. Pskov, tip. Gub. pravl., cenz. 1903. (in Russian)
5. Korinfskij A. *Chestnaya gospozha Maslyanica* [Honest Mrs. Butterworm]. Moscow, izdatel'stvo M.V. Klyukin, 1901. (in Russian)
6. "Maslenica i nesootvetstvie prazdnovaniya ee s duhom hristianstva i ucheniem svyatoj cerkvi Hristovoj" [Maslenitsa and the inconsistency of its celebration with the spirit of Christianity and the teachings of the Holy Church of Christ]. *Prazdnichnyj otdyh hristianina: Sobranie obshchedostupnyh duhovno-nazidatel'nyh rasskazov i razmyshlenij, raspolozhennyh primenitel'no k evangel'skim voskresnym i prazdnichnym chteniyam celogo goda* [Festive rest of a Christian: A collection of publicly available spiritual and edifying stories and reflections, located in relation to the Gospel Sunday and holiday readings of the whole year], v 2 ch., sostavil svyashchennik, magistr bogosloviya Grigorij D'yachenko. Moscow, tipografiya tovarishchestva Ivana Sytina, 1900. P. 489-492. (in Russian)
7. *Maslyanica* [Maslenitsa]. Sostavil Nikolaj Dubrovskij; materialy Snegiryov, Zabelin, Vel'tman, SHeping, Tereshchenko [i dr.], Moscow, Tipografiya Semena Selivanovskogo, 1870. (in Russian)
8. *Mify o russkoj mifologii* [Myths about Russian mythology]. Lekciya A.L. Barkovoj. Available at: <https://smotrim.ru/video/163426> (accessed: 10.06.2025). (in Russian)
9. *Niva. Illyustrirovannyj zhurnal literatury, politiki i sovremennoj zhizni* [Niva: Illustrated magazine of literature, politics and modern life], G 1–49, v 100 t., reprintnoe izdanie 1870–1918 gg., Saint-Petersburg, Al'faret, 2012-2013, T. 11, 1875, № 1-26.
10. "Pogovorim o maslenitse" [Let's talk about Maslenitsa]. *Pravoslaviye.ru: internet-zhurnal*, 2011. Available at: <https://pravoslavie.ru/44978.html> (accessed: 10.06.2025). (in Russian)
11. *Teksty maslenichnyh pesen* [Lyrics of Maslenitsa songs]. Available at: <https://www.chitalnya.ru/work/3382596/> (accessed: 10.06.2025). (in Russian)
12. Tereshchenko A. *Byt russkogo naroda CHast' VII. Svyatki. Maslyanica* [Life of the Russian people. Part 7. Christmastide. Maslenitsa]. Saint-Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 1848. (in Russian)

REFERENCES

1. Alpatova P. *Tambovskaya maslenica kak tekst: semantika, simbolika i terminologiya obryadov (na obshcherusskom fone)* [Tambov Maslenitsa as a text: semantics, symbolism and terminology of rituals (on an all-Russian background)]. Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k.filol.n. Spec. 10.02.01, Tambov, 2002. (in Russian)
2. Barkova A. *Slavyanskije mify ot Velesa i Mokoshi do Pticy Sirin i Ivana Kupaly* [Slavic myths from Veles and Mokosha to the Sirin Bird and Ivan Kupala]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2022. (in Russian)
3. Bahtin M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance], 2-e izd. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1990. (in Russian)
4. Famincyn A. *Skomorohi na Rusi* [Buffoons in Russia]. Saint-Petersburg, 1889. (in Russian)
5. Kirpichnikov A. *K voprosu o drevnerusskikh skomorohah* [On the question of ancient Russian buffoons]. Saint-Petersburg, tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1891. (in Russian)
6. Kryuchkova N., Titov A. "Dinamicheskaya struktura karnaval'noj telesnosti: antropologicheskij opyt teatral'noj germenoviki" [The dynamic structure of carnival physicality: the anthropological experience of theatrical hermeneutics]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI]. 2022. No 3(107). P. 16-29. DOI:10.24412/1997-0803-2022-3107-16-29 (in Russian)
7. Lotman Y.M. "Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii" [Memory in cultural studies]. *Izbrannyye stat'i* [Selected articles]. V. 1. Tallinn, Aleksandra, 1992. P. 200-202. (in Russian)
8. Popova V.N. *Prazdnik kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Holiday as a socio-cultural phenomenon]: ucheb. posobiye. Ministerstvovo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii, Ural'skiy federal'nyy universitet. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2017. (in Russian)
9. Smirnitskaya E. "Karnaval" [Carnival]. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* [The Great Russian Encyclopedia], Tom 13. Moscow, 2009. P. 186. (in Russian)
10. Sokovikov S. "Sociokul'turnye algoritmy formirovaniya prazdnichnogo dejstva" [Sociocultural algorithms for the formation of festive events]. *Rossiya – Uzbekistan – Tadzhikistan. Formirovanie innovacionnosti proektirovaniya social'no-kul'turnyh processov: ot idei do realizatsii* [Russia – Uzbekistan – Tajikistan. Formation of innovativeness in the design of socio-cultural processes: from idea to implementation], sb. materialov mezhdunar. nauch. konf., sost. B.S. Safaraliev, B.B. Mamurov, M.B. Yuldasheva, N.Z. Nasrullaeva, O.G. Usanova, M.R. Holov., G.R.Akramova, Chelyabinsk. Buhara, 2022. (in Russian)
11. Sokolova V.K. "Maslenica (ee sostav, razvitie i specifik)" [Maslenitsa (its composition, development and specificity)]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: genesis, arkhayka, traditsii* [Slavic and Balkan folklore: genesis, archaic, traditions]. Moscow, Nauka, 1978. P. 48-70. (in Russian)
12. Tolshin A. "Znacheniya i svoystva maski v karnavale i maskarade" [The meanings and properties of masks in carnival and masquerade]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* [Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen]. 2007. No 41. P. 62-69. (in Russian)
13. Yurkov S.Y. *Grotesk v kul'ture russkogo Srednevekov'ya* [Grotesque in the Culture of the Russian Middle Ages], dissertatsiya ... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.04, Sankt-Peterburg, 1997. (in Russian)